

Авторская серия
ЛЕНЫ СОКОЛ

ЛЕНА СОКОЛ

Обаятельное
ЧУДОВИЩЕ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*
Фотография автора @Ирина Шайхразиева

Сокол, Лена.
С59   Обаятельное чудовище / Лена Сокол. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-181336-9

Невыносимый, грубый, беспринципный — это все про него. Тим Левицкий — настоящий негодяй, далекий от романтики и привыкший использовать девушек для своих целей.

Марта из богатой семьи. Она не нуждается в ухаживаниях, не ведется на дорогие подарки и терпеть не может подобных ему. Строптивая красотка для Тима — очередной трофей, а он для нее — всего лишь чудовище, пусть и чертовски обаятельное. У каждого из них свое темное прошлое, знать о котором другому не нужно. Но что-то идет не так...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181336-9

© Сокол Е., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плейлист

Марта

Ava Max – Sweet but Psycho
Haley Reinhart – Hit The Ground Runnin’
Julia Michaels – Give It To You
Kenna Childs – You Say
ANNA ASTI – Ночью на кухне

Тим

Sam Smith, Calvin Harris – Promises
Hozier – Movement
Nico Santos – Wings
OneRepublic – Counting Stars
DJ Snake, Lauv – A Different Way

В клубе

OneRepublic – If I Lose Myself

Ava Max, Witt Lowry – Into Your Arms
James Bay – Chew On My Heart
Jeremy Camp – Keep Me In The Moment
Dagny – Somebody
Zara Larsson – Love Me Land

*Частично основано на реальных событиях.
Все имена изменены, любые совпадения случайны.*

Обычная ночь. Ничем не выделяется из сотен таких же.

Грохот музыки долбит по вискам, воздух — крепкая смесь парфюма и сигаретного дыма. Вокруг полно торчков со стеклянными глазами и пьяных в хлам идиотов.

Сегодня клуб забит девочками всех мастей — выбрай любую, и для меня нет недоступных. Стоит только поманить, и вот, например, та в коротком леопардовом платье будет счастлива поехать со мной куда угодно. Или эта, с пьяной улыбкой и прилипшими к потной шее светлыми прядями волос, ритмично дергающаяся на танцполе под дружный мужской свист: она отдастся мне без лишних разговоров прямо в уборной, где я прижму ее к холодной, грязной стене, выложенной керамической плиткой. Такая не будет брезговать витающими в туалете запахами, потому что ей все равно — кто, где и как берет ее, главное — получить свое. Немного удовольствия и немного комплиментов.

Но я прохожу мимо.

Не потому, что мне неинтересно то, что каждая из присутствующих девушек может предложить, о нет: просто мой зверь на сегодня сыт. Я утолил его голод буквально полчасика назад. В своем каби-

нете, куда притащил вон ту брюнеточку, которая, захлебываясь от восторга, рассказывает сейчас подружкам у бара, что была со мной.

У нее милая мордашка и не самая стремная задница. Я оценил бы ее вид сзади на троечку, но тонкая талия и упругая грудь, получив по десять баллов из десяти, поднимают ее рейтинг выше. Сейчас она машет мне рукой, воображая, что стала для меня кем-то особенным.

За один быстрый, ничего не значащий перепих? Умоляю!

Я отворачиваюсь, не давая ей возможности похвастать перед подружками тем, что она только что трахалась с самим владельцем клуба, и поэтому имеет теперь какие-то привилегии. Такие идиотки всегда наивно полагают, что, переспав со мной, они получают нечто вроде ВИП-статуса, который не обязывает их с этого момента оплачивать вход и коктейли. Тупые, бесполезные курицы. Дешевки.

Я даже под дулом пистолета не вспомню, как ее звали. А пройдет еще полчаса, забуду и как выглядело ее лицо.

Обычная ночь. И мне, по обыкновению, скучно.

Это ощущение не покидает меня уже много лет. Хотя, если честно, даже не помню, когда в последний раз испытывал живой интерес к чему-то или кому-то хотя бы дольше суток.

Ску-ко-та...

Я выхожу из клуба и закуриваю. Жадно тяну дым, вглядываясь в даль. Здание покидают пьяные малолетки. Они проходят мимо, кокетливо улыбаясь и звонко хихикая. Набиваются впятером в подъезжающее такси — дома нужно быть к полуночи, а то мамка заругает. А отец даст ремня.

- Обязательное чудовище -

Я медленно бреду к стоянке, где припаркован мой черный Ducati. Мощный спортбайк, от вида которого я сам готов пищать, точно старшекласница, смущенная видом члена.

Застегиваю кожаную куртку и опираюсь бедром на мотоцикл. Докуриваю, выдыхаю дым и отточенным движением швыряю окурочек в сторону урны. Тот, словно надсмехаясь надо мной, ударяется о ее край и, взвиваясь искрами, летит на асфальт. Мимо.

Тихо выругавшись, надеваю шлем, сажусь, убираю подножку, завожу байк и включаю свет. Синеватый луч мягко рассеивает темноту улицы. Выжимаю сцепление, включаю первую передачу и резко срываю мотоцикл с места.

Ночные дороги почти пусты.

Я быстро разгоняю железного коня до ста восьмидесяти. Еду по кольцу, ловко маневрируя между редкими машинами. Обхожу их, как стоячих. И лишь светофор заставляет меня остановиться.

Нетерпеливо газую, гипнотизируя мелькающие на табло цвета. Слева подъезжает Audi A4, стекло опускается.

— Ты, сучонок! — орет этот придурок, пытаюсь привлечь мое внимание. — На хрена меня подрезал?

Но уже горит зеленый, и я показываю ему средний палец. А затем срываюсь с места, левой ногой снося к чертовой матери боковое зеркальце Audi. Сам ухмыляюсь, глядя в зеркало заднего вида на удаляющуюся из поля зрения машину.

Ветер шумит, заглушая стук сердца.

Двигаюсь с такой скоростью, что мелькающие витрины магазинов превращаются в ускоренную киноленту. Надписи прочесть уже нереально. Притормаживаю, только когда проезжаю пост ДПС. На се-

годня адреналина достаточно. Плавно сворачиваю на съезд, ведущий к одному из спальных районов. До дома остается всего ничего, и я зеваю, останавливаясь на очередном светофоре.

Внезапно меня отвлекает звук: справа тормозит красно-черный роскошный спортивный байк Honda CBR. Равняется со мной в соседней полосе. В седле сидит дрищ в защитной экипировке. «Ему не мешало бы малость подкачаться», — думаю я.

Отворачиваюсь, но слышу, как он снова и снова методично выжимает газ, словно дразня меня. «Хватит с меня сегодня гонок. Тем более с убогими».

Не реагирую.

Но этот придурак отпускает сцепление, и красно-черный байк дергает вперед аж на полметра. «Просто торопится? Или нервы ни к черту?» Но чувствую, что он смотрит на меня. Даже не видя его глаз, ощущаю азарт во взгляде, слышу вызов в реве мотора.

— Слышь, дебил? — открываю стекло шлема. — Я сегодня нагонялся, отвали!

Его железный конь подает голос и опять рвется вскачь.

Скрещиваю руки на груди:

— Заканчивай гнуть понты, ладно?

И в ответ получаю неприличный жест с его стороны.

— Это ты мне? — усмехаюсь.

Но «смертнику» до меня словно и дела нет. Он смотрит на светофор, затем на дорогу и явно готовится резко стартовать.

Обычно я не веду на дешевые понты, но козла надо наказать. Выжимаю газ, заставляя Ducati

- Обаятельное чудовище -

угрожающе рычать. Резким кивком опускаю стекло шлема.

«Сейчас ты узнаешь, на что я спосо...»

Не дожидаясь зеленого сигнала светофора, Honda вырывается на перекресток, громко полируя асфальт. С ревом и буксами, выстреливает вперед, оставляя меня нюхать выхлопные газы и запах жженой резины.

— Твою же мать... — и, матерясь про себя, срываюсь за ним.

Пытаюсь наваливать изо всех сил, еду агрессивно и по чуть-чуть, но все-таки догоняю его. Он забирает широко на повороте, позволяя мне немного приблизиться, и я с трудом удерживаю передок байка, когда этот тип опасно подрезает меня. Колеса слизывают асфальт, звонко визжит резина.

Мне хочется вернуть должок, и я не сдаюсь. Еще раз опасно приближаюсь. Я уже у него на пятках. Делаю мощный рывок, и... он ошибается. Сворачивает в один из проулков — прямо в тупик. Видимо, не ориентируется на местности. И это мне только на руку.

— Вот я тебя и поймал.

Поняв, что загнан в угол, он разворачивается в конце каменного коридора и останавливает байк. Мы в закутке между зданий, бежать ему некуда.

Я останавливаюсь тоже. Левой ногой отстегиваю подножку, ставлю байк и слезаю. Снимаю шлем, держу его в руке. Приближаюсь к застывшему противнику.

— Ты охренел? — ору, подлетая к нему.

И грубо бью ладонью по корпусу шлема, чтобы он его снял.

Голова противника немного отлетает назад, и он замирает. Но только на секунду. В следующее мгновение незнакомец ловким движением сдергивает шлем, и перед моим лицом золотистыми искрами костра разлетаются... огненно-рыжие волосы. Длинные, ниже плеч, слегка вьющиеся на концах. Теперь хорошо видно, что она брюнетка, и в красно-рыжий у нее выкрашены лишь отдельные пряди, но зрелище, так похожее на короткое замыкание, вызывает у меня непреодолимый ступор.

Я немею. Хочется присвистнуть, но получается только облизнуть пересохшие губы. Тело не слушается.

Я пялюсь на ее рот, на пухлые губы правильной формы, на гневный взгляд сияющих черных глаз из-под полуопущенных век, нежную шею и молочно-бледную бархатную кожу, по которой почему-то очень хочется провести пальцами.

И неожиданно получаю пощечину. С размаху. Хрясь!

И у меня из глаз летят искры.

«А у малышки тяжелая рука», — проносится в голове, пока я удивленно прикладываю ладонь к звенящей от боли щеке.

В этот момент она возвращает свой шлем на прежнее место, выжимает сцепление, врубает первую передачу и резко рвет с места.

— Эй, — только начинаю говорить я, оборачиваясь ей вслед.

И вижу, как она ударяет левой ногой в бак моего Ducati. Байк заваливается на бок с глухим тупым звуком. Фоном к нему слышится треск пластмассы. А эта стерва, не дожидаясь моей реакции, пулей уносится прочь — в темноту летней ночи.

- Обаятельное чудовище -

Выругавшись, медленно подхожу к мотоциклу. Поднимаю и осматриваю его. Треснул правый обтекатель двигателя, замят глушитель.

— Вот сука!

Сажусь, завожу мотор, надеваю шлем, убираю подножку и срываю мотоцикл с места. Сильно закладывая вираж, набираю скорость и вторгаюсь в темноту ночных улиц злым ревом мотора.

На таком видном байке ей не остаться надолго незамеченной в городе. И уж точно не спрятаться от моей ярости.

Эта ночь больше не кажется мне обычной.

Марта

Паркую байк прямо на подъездной дорожке и остервенело сдираю шлем с головы.

— Придурок!

Не знаю, почему меня все еще трясет. Может, я не была готова к тому, что ударят?

И пусть это был просто тычок, всего лишь легкий удар по корпусу гермака¹, но он сработал как искра, вспыхнувшая в сознании. «Никто. Больше никто и никогда не посмеет тронуть меня! Я не позволю. Клянусь. Лучше сдохну, чем допущу повторение этого ужаса».

Вешаю шлем на багажник, опускаю голову, упираюсь руками в сиденье и дышу. Вдох, выдох. Медленно считаю до десяти. Психолог рекомендовал этот способ, чтобы быстро привести дыхание в порядок. Ни

---

¹ Мотоциклетный шлем. (*Прим. авт.*) Все примечания, не обозначенные как *Прим. авт.*, принадлежат редактору.

черта не помогает! Будь она проклята со своими внушениями! Ни один ее совет не работает, стоит мне только вновь окунуться в черноту воспоминаний.

Закрываю глаза, и в памяти вновь вспыхивают картинки.

Безупречное лицо, неистово перекошенное от злости. Сверкающие гневом зеленые глаза — взгляд самого дьявола. Парень только приближается, а его ненависть режет меня на расстоянии. Мне довелось испытать много боли в своей жизни, но в последние месяцы я расслабилась и начала забывать, что значит быть жертвой. И вот этот удар.

Моя голова дергается от неожиданности. Уши закладывает от хлопка по пластмассовому корпусу шлема. Парень ждет ответа, недовольно и даже брезгливо поджав красивые губы. Я прихожу в себя, рассматривая сквозь темное стекло тонкие морщинки, исказившие его рот гневной улыбкой-гримасой. Пожар в груди разгорается, и моя собственная злоба выстреливает наружу.

Сдергиваю гермак, размахиваюсь — бах! И крепкая, увесистая пощечина оседает пылающим ожогом на щеке парня. Вижу, как в искреннем удивлении взлетают вверх брови. Надо бежать, чтобы не получить сдачи. Но я, будто окутанная наркотическим облаком, застываю и не могу оторвать от него глаз. Каждое движение этого хама — будь то легкое дрожание век или озадаченный поворот головы — словно гипнотизирует меня.

«Никто не смеет тронуть меня! Больше никогда». Я буду царапаться, буду кусаться и биться за свою свободу до последнего вдоха. И он должен знать это.

Поэтому я — с высоко поднятой головой — выдерживаю ледяной взгляд парня. Его лицо — очень

- Обаятельное чудовище -

близко, и мы смотрим друг на друга всего пару секунд, но тянутся они, кажется, вечность.

Грубиян уверен в себе, но и я теперь — совершенно другой человек. И не намерена терпеть унижения. Не дожидаясь ответного удара, я делаю то, чего мне хочется сейчас больше всего, — стираю самодовольный оскал с его лица: быстро надеваю шлем, резко срываю мотоцикл с места и мощным пинком сбиваю его байк с подножки.

— Вот сука! — доносится в спину.

Но слова тонут в рычании двигателя. Я врываюсь в прохладу летней ночи с улыбкой, и момент триумфа сладким послевкусием на целую минуту остужает разгоревшийся в груди пожар. Скорость исцеляет меня, паника немного отступает.

Все позади. Я дома, погони за мной нет.

Так отчего же сердце все еще бьется как сумасшедшее? С трудом привожу мысли в порядок и убираю ладони с уже остывшего сиденья байка. Привычно оглядываю улицу в поисках опасности. Как глупо — ведь мои монстры живут внутри дома, но я все равно ничего не могу с собой поделать. Наверное, это какое-то предчувствие или инстинкт?

Пробегаю глазами широкую дорогу, соседские особняки, ровные газончики, освещенные желтым светом фонарей, и каждое темное окно в пределах досягаемости. Все тихо и спокойно. Разворачиваюсь, чтобы войти в дом. Неспешно бреду к двери, провожая взглядом заветное окно на первом этаже. Лампа, как обычно, горит только в этой комнате — свет приглушенный, мягкий, потому что исходит от маленького ночника, висящего на стене.

Я открываю дверь ключом, вхожу и закрываюсь на засов. Включаю свет и слышу скрип: в гостиной

появляется сиделка. На ней форменное платье, вязаная кофта и пушистые тапочки.

— Добрый вечер, Наталья, — говорю я.

— Добрый вечер, Марта.

От меня не укрывается, что она бросает взгляд на часы над каминной полкой.

— Извините, я задержалась, — закусываю щеку изнутри.

На самом деле мне не стыдно. Она прекрасно понимает, что мне просто не хотелось возвращаться.

— Ничего страшного, — врет она, оглядывая меня.

Я расстегиваю куртку и бросаю прямо на пол.

— Отнесу в стирку, — бормочет женщина.

— Не нужно, — останавливаю ее недовольным взглядом. — Я сама. Спасибо.

Ей платят не за это, а за работу. И за то, чтобы не задавала мне вопросов и не болтала лишнего при посторонних.

— Тогда... — мнется Наталья и косится на часы.

— Да, конечно. Вы свободны, — перешагивая через валяющуюся на полу куртку, я отворяю ей дверь. — Завтра можете прийти к обеду, я посмотрю за ним.

— Хорошо, — на ее лице проскальзывает облегчение.

Может, она и получает хорошие деньги за свой труд, но работка у нее явно не из приятных, к тому же выходных почти не бывает. И женщина рада тому факту, что до обеда не надо возиться с лежащим больным.

— Кстати, как он? — спрашиваю я, когда она уже собирается уйти.

Сиделка снимает тапочки, надевает туфли и оборачивается на порог:

- Обаятельное чудовище -

— Без изменений.

Я задерживаю воздух в легких, не в силах даже выдохнуть.

Она смотрит на мое лицо, и ей кажется, будто она читает мои мысли:

— Теперь, когда он дышит самостоятельно, стало намного легче. Не переживайте, очень скоро мы увидим улучшения.

Ни хрена она их не читает. Я киваю, стискивая зубы.

— Всего доброго, — произносит она.

И я захлопываю дверь прямо перед ее носом.

Раз, два, три — обороты ключа. Тяжелый засов. Воздух с шумом вырывается из моих легких. Прислоняюсь лбом к полотну и дышу. Считаю от одного до десяти. Сердце больно толкает ребра. Оборачиваюсь и прислушиваюсь к тишине. Мне кажется, что вот-вот услышу шаги. Но это невозможно. Он не выйдет мне навстречу. Он просто не сможет.

Зажмуриваюсь, открываю глаза и приказываю себе забыть о страхе. Тихонько крадусь через гостиную в комнату, дверь в которую чуть приоткрыта. Заглядываю. Теплый свет ночника позволяет выхватить из темноты лежащее в кровати тело. Долго смотрю, ожидая, что он пошевелится, но ничего не происходит. Ноги и руки остаются неподвижны.

— Привет, — надтреснутым голосом говорю я.

Делаю шаг вперед и включаю свет.

Его глаза открыты. Не спит. Пытается посмотреть на меня, но закованное в недвижимое тело сознание не дает ему такой возможности. Зрачки беспомощно бегают в глазницах, мозг отдает

команды, но даже уголки губ не дрогнут в попытке их исполнить.

Я прохожу, ставлю стул и сажусь так, чтобы он мог видеть меня.

— Вот, — улыбаюсь. — Испытывала сегодня новый байк.

Мы смотрим друг на друга, и по моей спине бегут мурашки.

— Если бы ты только мог его видеть, папочка... Литровая Honda, красная с черным... Пушка! — облизываю губы, пытаюсь не выдать эмоций, но дрожащий голос все же предает: — Знал бы ты, сколько он стоит!

Хочется понять по одному лишь взгляду, что бы он ответил, если бы мог говорить, но у меня не получается.

— Это твой подарок, — сообщаю я. — Ты ведь хотел, чтобы у меня было все самое лучшее? Да?

Он молчит, и у меня внутри все переворачивается. Желудок будто кто-то когтями рвет — так сильно я нервничаю.

— Самое страшное, что у меня никого, кроме тебя, нет. Представляешь? Мы с тобой совсем одни. Нас всего двое.

Он закатывает глаза к потолку, не в силах смотреть на меня. Но я жду. Жду, сколько понадобится, пока его взгляд не вернется к моему лицу, и только потом продолжаю:

— Как думаешь, этот мир примет меня за нормальную? А? — с силой сжимаю челюсти, чтобы не дать волю слезам. — Я похожа на нормального человека, папочка? Ну, скажи!

Он сверлит меня взглядом, и я, кажется, понимаю, что он чувствует.

- Обаятельное чудовище -

— Ты думал, что у меня не получится. Но я делаю успехи. Я почти как они. Совсем не отличить. Еще немного постараться, и никому даже в голову не придет, что со мной что-то не так.

-2-

Тим

Мне несказанно везет: аптека на первом этаже моего дома еще открыта. Сквозь стекло витрин я вижу провизора — ту самую рыжеволосую нимфу, которая на прошлой неделе продала мне пастилки от боли в горле. Она тогда так недвусмысленно улыбалась, наваливаясь на прилавок и демонстрируя свои буфера, что я чуть было не высадил к чертовой матери из машины девушку, которую привез из клуба, и не бросился ее соблазнять.

— Добрый вечер, — говорит она, когда я вхожу. Поднимает взгляд и расплывается в улыбке: — Ой, здрасте, это вы...

— Привет! — бросаю я небрежно.

— Как горло? — рыженькая расправляет плечи.

Каждое ее движение как приглашение. Черт, нельзя ведь такое игнорировать, правильно? Раз уж я подобным образом действую на женщин, нужно пользоваться моментом.

— Все нормально, — ухмыляюсь я. — А ты переживала?

Это замечание застает ее врасплох. Она растеряна и не знает, как реагировать. Почти реактивно быстрый переход с «вы» на «ты», да еще и с наме-

ком. Тут либо нет, либо да. Или, что вероятнее: «О да, детка, да!»

— Я рада, что лекарство помогло, — поджимает губки рыженькая. — Тогда... — глаза вспыхивают огоньком надежды. — Случилось что-то еще?

Она внимательно следит за движениями моих рук. Достаю бумажник, что ее немного разочаровывает: значит, я пришел по делу.

— Вроде того, — наклоняюсь над прилавком. — Мне нужно пополнить запасы.

Ну же, милая, соображай.

— Просто скажите, что нужно, — облизывая полные губы, просит она.

— Презервативы, — улыбаюсь я, заставляя ее покраснеть.

Какая прелесть! Смотрю, как ее щеки покрываются румянцем, и мне хочется рассмеяться. Разве не в ее обязанности входит проявлять невозмутимость? Даже если я попрошу у нее волшебных мужских таблеточек и смазку?

— Сколько? — не отводя от меня глаз, спрашивает рыженькая.

Я вспоминаю подтянутую попку соседки, которая, облачившись в обтягивающее платье, пришла ко мне просить о помощи, и сразу представляю огромную упаковку презервативов длиной с чертову патронную ленту.

— Много, — говорю я. — И побыстрее бы.

Ведь красотка-соседка сидит и ждет, когда я вернусь и забью ей пару гвоздей в стену, даже не зная, что и куда я планирую забивать.

— Ого, — удивленно и слегка обиженно вскидывает бровки провизор, — намечается вечеринка?

— Что-то вроде, — киваю я, заглядывая в ее де-